

И. Ю. Крецер

ЧТО ПРОИЗОШЛО С «РОДСТВОМ»? (СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РОДСТВА В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ)

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье рассмотрены подходы к концептуализации родственных отношений в современном обществе. Проанализированы изменения, которые происходят в социальных науках с концептом «родства» начиная с конца XX в. Представлены достоинства и недостатки использования различных концептуальных схем для исследования процесса формирования родственных отношений в современных обществах. Показано существующее на данный момент сегментированное и ограниченное применение понятий «родство» и «семья», а также новые возможности и траектории исследования родства в социологии и социальной антропологии. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: социальная антропология, антропология родства, родство, семья, концепт «социальной связанности».

WHAT HAPPENED TO “KINSHIP”? MODERN PERSPECTIVES OF KINSHIP STUDY IN SOCIOLOGY AND SOCIAL ANTHROPOLOGY

I. Yu. Kretser

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article considers the way of conceptualization of kinship relations in modern society. The article deals with the changes in the concept of “kinship” which have been occurring in the social sciences since the late 20th century. Advantages and disadvantages of using different conceptual schemes for the study of constructing relatedness in modern societies were analyzed. New opportunities and trajectories to study kinship as well as segmented and limited usage of the concepts of “kinship” and “family” in sociology and social anthropology were presented. Refs 22.

Keywords: social anthropology, anthropology of kinship, kinship, family, concept “relatedness”.

В 1995 г. американский социальный антрополог Дэвид Шнайдер, отвечая на вопрос об актуальности таких понятий, как «родство», «религия» и «политика», заметил, что современный мир ставит перед индивидами новые или по-новому понимаемые проблемы, для осмысления которых «старые» концептуальные схемы не всегда релевантны. «Тип проблем изменился» — это высказывание Шнайдера может служить хорошим эпиграфом для многих дискуссий, ведущихся в социальных науках сегодня [1, с. 194].

Когда мы говорим об исследовании родственных отношений, представляется важным провести границу между родством как типом отношений и «родством» как концептуальной схемой, которая используется для анализа этого типа отношений. Эти два «родства», естественно, тесно связаны друг с другом, но имеют разную историю.

Концепт «родства» являлся центральным для классической антропологии, объектом которой выступали традиционные общества. Это было связано с тем, что, по представлению исследователей, *отношения родства* детерминировали экономические, социальные и политические связи в таком типе обществ. Современное общество изменило статус *отношений родства* путем предоставления большого количества иных вариантов идентификации и групповой солидарности. Это приве-

ло к практически полному нивелированию использования *концепта «родства»* для анализа современного общества. Таким образом, ответ на вопрос «что произошло с родством?» включает в себя не только исследование роли родственных отношений в современном обществе, но и последовательный анализ того, как менялась концептуальная схема исследований родственных отношений. В рамках данной статьи мы уделим внимание второй части ответа на этот вопрос.

В западной социальной антропологии снижение интереса к *концепту «родства»* происходит в 70–80 гг. XX в. и обусловлено, в первую очередь, выходом в свет двух работ Д. Шнайдера: «American kinship: a cultural account» [2] и «A Critique of the study of kinship» [3]. Первые работы Шнайдера были выполнены в рамках структурно-функционалистской парадигмы, однако позже научные взгляды Шнайдера начинают меняться [4, с. 4–6]. Не найдя среди предыдущих подходов того, который бы подходил для анализа родства в американском обществе, Шнайдер обращается к идеям культурного релятивизма.

Критика Шнайдером существующего *концепта «родства»* может быть сведена к следующему.

Во-первых, *концепт «родства»* был разработан как универсальный и европоцентричный, то есть «европейские социальные исследователи использовали свою собственную европейскую культуру как источник большинства, если не всех способов понимания и концептуализации» родственных отношений [3, с. 193]. Следовательно, в категорию «родства» попадают только те формы связей, которые описывались как родственные в европейском обществе или в обществах, откуда был родом исследователь. Такая концептуальная схема не способна отразить все многообразие существующих связей, которые понимаются как родственные самими участниками взаимодействия, но при этом может определить в терминах родства те отношения, которые участники родственными не считают. Например, Шнайдер приходит к выводу, что американская система родства держится на двух идеях: порядок природы (order of nature) и порядок поведения (order of law) [2]. На основе этих двух законов Шнайдер выделяет три типа возможных родственных отношений. Первый — когда выполняются оба закона — создает близких родственников, с которыми мы связаны по крови и общностью быта. Второй — когда выполняется только закон поведения — дает группу родственников, приобретенных по браку. Третий — когда выполняется только закон природы — создает отношения связывающие родителей и оставленного ребенка: кровное родство присутствует, а взаимные социальные обязательства не выполняются.

Из этого описания хорошо видно, что для американской системы родства существует только один вариант реализации закона поведения — брак: не будучи кровными родственниками, люди могут стать таковыми только за счет вступления в брак. Однако в других системах родства социальные условия признания родственником могут быть абсолютно иными, такими, например, как имянаречение, в процессе которого устанавливается особая связь между тем, кто дает имя и тем, кто его получает, осмысляемая участниками взаимодействия в терминах родства. Барбара Бодерхорн отмечает, что при обращении к девочке внуки того, кто дал ей имя, могут использовать термин «дедушка» [5, с. 138]. В этом смысле интересными представляются такие понятия, как «искусственное родство», «родство по кормлению», «братство по кораблю» — во всех этих терминах подчеркивается, что описываемый

вариант отношений похож на родство по типу взаимодействия, но не является им в полной мере [6, 7]. Почему? В данном случае перед нами пример реализации закона поведения: в наблюдаемых традиционных обществах были зафиксированы нормы поведения, в соответствии с которыми люди, не являющиеся кровными родственниками, используют по отношению друг к другу термины родства и ведут себя как родственники. Однако такая форма взаимодействия, осмысляемая самими участниками как *отношения родства*, не была описана европейскими исследователями как родственные отношения в полном смысле этого слова, так как не вписывалась в существующий *концепт родства*, не подразумевающий иных форм реализации закона поведения, кроме как брак. Именно такой *концепт «родства»* подвергает критике Шнайдер, указывая на то, что другие формы установления отношений через договор могут рассматриваться как родственные в неевропейских обществах, а *концепт «родства»*, сформулированный на основе «европейского» опыта, является слишком узким и некорректным для описания всех обществ. Эта же проблема касается и современного общества, в котором, например, развитие новых репродуктивных технологий заставляет пересматривать те правила и нормы, на основании которых мы определяем границы родства [8, 9].

Во-вторых, Шнайдер ставит вопрос о специфике отношений родства. Он обращает внимание на то, что такие концепты, как «религия» или «национализм» (мы можем добавить «гендер», «класс», «этничность»), также формулируются на основе закона природы — разделения общей «субстанции» (например, «я русский, потому что родился в России») и закона поведения (например, «я русский, потому что веду себя как русский») [10, с. 263–264]. Шнайдер ставит вопрос: «Что делает человека родственником, или гражданином, или членом религиозной конфессии?» и приходит к выводу, что процессы вхождения в группу одинаковы независимо от специфики самой группы. Он утверждает, что все это есть «одна и та же группа», в которой ситуативно преобладают те или иные характеристики для сплочения. Позже Крейг Калхун подробно разберет это сходство и укажет на различия, прежде всего в том, что он назовет категориальными и относительными идентичностями [11, с. 73–112]. Однако для Шнайдера рассмотренный в таком контексте *концепт «родства»* предстает слишком широким, то есть не фиксирующим какие-то специальные и отличные от других формы отношений.

Таким образом, для Шнайдера, с одной стороны, *концепт «родства»* европоцентричен и используется неоправданно универсально, а с другой стороны, не описывает никакие специфические формы отношений, которые нельзя бы было назвать иначе. Это позволило Шнайдеру заключить, что «родство существует в умах антропологов, но не в тех культурах, которые антропологи изучают» [10, с. 269], то есть поставить под сомнение не сами *отношения родства*, а тот *концепт «родства»*, с помощью которого эти отношения исследовались.

Заслугой Шнайдера является привлечение внимания к европоцентризму как основной характеристике *концепта «родства»*. Однако Шнайдер не сумел избежать другой крайности. Мартин Оттенхаймер, комментируя идеи Шнайдера, обращается к разделению между этическим и эмическим подходами в исследованиях [12, с. 206]. В первом случае концептуализация понятий происходит на основе культуры исследователя, во втором — на основе культуры исследуемых. Именно второй подход и рассматривал Шнайдер как альтернативу существующему универсальному этик-

концепту «родства». Однако идея Шнайдера описывать и концептуализировать культурные феномены с точки зрения культуры исследуемых является обратной стороной критикуемого им европоцентризма. Оттхаймер называет такой подход не релятивистским, а «локалоцентристским» (localcentric), замечая, что «для достижения успеха в антропологическом исследовании родства или любого другого аспекта человеческого поведения антрополог должен перестать рассматривать эти феномены с точки зрения единственно возможной и верной концептуальной рамки, будь то европоцентристская или локалоцентристская» [12, с. 207]. Только совмещение взгляда изнутри и взгляда снаружи способно обеспечить действительно релятивистский подход в рассмотрении социальных процессов.

Проблема, которую поставил Шнайдер, — неадекватность существующей универсальной модели исследования родства — оказалась не в полной мере преодолена вплоть до сегодняшнего дня. И нерешенность этой проблемы порождает основной вопрос: в рамках какой концептуальной схемы (или концептуальных схем) возможно исследование родственных отношений сегодня?

Прослеживая логику развития концепта «родства», Шнайдер отмечает, что в 1990-е годы «родство восстает из пепла» и связывает это с феминистскими работами, развитием исследований родства среди однополых пар и изучением влияния новых репродуктивных технологий на определение границ родственных отношений [13, с. 3]. Эти исследования обозначили один из ракурсов изучения родственных отношений — концепт родства в них реинтерпретируется в контексте изменений, происходящих в обществе. Так, например, развитие новых репродуктивных технологий приводит к пересмотру понятий «отец», «мать», представлений о «норме» в рамках родственных отношений, а также ставит под сомнение традиционное разделение биологических и социальных основ родства, где первые рассматривались как неподвергающиеся сомнению [8, 9, 14]. К обсуждению трансформации понятий «семья», «брак» и «родительство» приводит увеличение числа однополых пар [15, 16]. Еще один «вызов» для традиционного концепта родства представляет возросшая физическая мобильность, которая порождает реконфигурацию родственных отношений, в первую очередь в среде мигрантов: пересматриваются гендерные роли, наполняются новым, основанным на удалении друг от друга содержанием отношения между детьми и родителями [17–19]. Во всех этих исследованиях родственные отношения не являются основным объектом изучения, а выступают фоном для иллюстрации изменений в отдельных сферах современного общества. Однако такие исследования позволяют обратить внимания на современный дискурс родства и повседневные практики, через которые выстраиваются и поддерживаются родственные отношения.

Еще один вариант концептуализации родственных отношений — это обращение к понятию «семья». Логика использования и соотношения понятий «семья» и «родство» представляется достаточно интересной. Существуют устойчивые «дисциплинарные границы между социологией, изучающей семью, семейные отношения и формы домохозяйства в современном западном обществе, и социальной антропологией, в фокусе которой — корпоративные родственные группы и предписанные формы брака в незападных обществах» [20, с. 233]. Несмотря на то что с конца XX в. концепт родства начинает появляться в работах, посвященных исследованию современного общества [21], это пока является скорее исключением. Может ли «семья»

стать той концептуальной рамкой, которая полностью заменяет «родство»? На наш взгляд — нет. Во-первых, концепт «родства» представляется более широким, чем концепт «семья». Независимо от того рассматривается ли семья как социальный институт или как малая социальная группа, оба эти подхода ограничивают все многообразие родственных отношений одной формой — семьей и не позволяют в полной мере описать механизмы и формы реализации родственных отношений. В таком понимании концепт «семья» покрывает определенный сегмент родственных отношений, однако не может полностью заменить концепт «родства». Во-вторых, концепт «семьи» не лишен тех же самых проблем, что и концепт «родства»: дискуссии о кризисе семьи могут быть рассмотрены, с одной стороны, как кризис семейных отношений, а с другой стороны, как кризис концептуальной схемы, то есть несоответствие доминирующего в науке концепта «семьи» существующим формам семейных отношений. Таким образом, концепты «семьи» и «родства» должны рассматриваться не как ограниченно используемые для исследования определенного типа общества, а как взаимодополняющие друг друга для описания разных сегментов в разных типах обществ.

Попытку преодолеть противоречия в исследовании родства сделали авторы сборника «Cultures of relatedness» [13]. Ключевая идея Джаннет Карстен заключается в выборе нового способа концептуализации родственных отношений: автор предлагает обратиться к понятию «relatedness». Оно «используется взамен или наравне с понятием «kinship», так как является открытым для индигенных трактовок того, что значит быть связанным с кем-то («being related») в большей степени, нежели опирается на предзаданные определения или ранее существовавшие версии того, что значит быть чьим-то родственником» [13, с. 4]. По сути, Карстен и ее коллеги в термине «relatedness» продолжают логику, предложенную Шнайдером: отказ от единой европоцентристской схемы анализа родственных отношений в пользу разнообразных и культурно специфичных способов понимания связанности и родства в разных культурах. Этот концепт также помогает преодолеть одну из основных характерных черт «европейского» концепта родства — исключительную роль биологической основы родственных отношений. Как показывают авторы сборника, во многих культурах чувство «связанности» может иметь как биологические, так и социальные основания.

Пример реализации принципа культурной специфичности в понимании родства — это круг Yang в китайском обществе. Чарльз Стэффорд [22, с. 37–54] описывает его как взаимный обмен обязанностями и обязательствами, в который вовлекаются очень разные группы людей. Принято считать, что он связывает между собой родителей и детей, то есть является следствием биологически заданных привязанностей. Однако автор показывает, что возможна и обратная трактовка: выполнение определенных обязательств является основой для возникновения отношений. Так, например, бездетные родители путем включения молодых людей в круг Yang «создают» себе детей.

Концептуализация родства через понятие социальной связанности позволяет, во-первых, проанализировать процессуальный характер родственных отношений, акцентируя внимание на создании отношений, а не на предзаданности их биологической связью, а во-вторых, рассматривать родство как многообразие параллельно существующих систем связанности с разными основаниями. Однако проблема кон-

цепта «relatedness» в том, что не всегда можно точно обозначить, где заканчивается родственная связанность и начинается процесс группирования, основанный на иных, нежели родство, механизмах. Чувство связанности само по себе не является специфической чертой исключительно родственных уз: мы чувствуем связанность с соседями, друзьями или коллегами по работе. Правомерно ли тогда расширить понятие «родства» и включить в него такого рода отношения? Представляется, что нет: при таком подходе, родство становится всем, а следовательно, значимость этой категории с точки зрения анализа стремится к нулю. Решением этой проблемы видится разумное сочетание концепта «родства» в его классической формулировке с концептом «relatedness». Такой подход позволит при сохранении строгости в определении границ понятий более глубоко и детально изучить содержательную часть процесса формирования родственной связанности.

Таким образом, противопоставление разных концептуальных схем друг другу при изучении родства приводит к упрощенному и схематичному пониманию реальности. Логика изучения родственных отношений в современном обществе предполагает взаимодополняющее использование таких концептов, как «родство», «семья» и «связанность». Такой подход дает возможность увидеть новые конфигурации родственных отношений, описать повседневные практики их бытования, обозначить границы применения терминов родства. Кроме того, современные изменения в обществе приводят к актуализации и переосмыслению родственной проблематики при изучении гендера, этничности, миграции и многих других социальных процессов. Это позволяет рассматривать родство не как «исчезающий вид» в современном обществе, а как отношения, переживающие, наряду с самим обществом, существенные трансформации, которые требуют изучения и описания.

Литература

1. Schneider on Schneider: The Conversion of the Jews and Other Anthropological Stories / ed. by R. Handler. Durham and London: Duke University Press, 1995. 264 p.
2. *Schneider D.* American kinship: a cultural account. Chicago: University Of Chicago Press, 1968. 148 p.
3. *Schneider D.* A Critique of the study of kinship, Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1984. 208 p.
4. *Feinberg R.* Schneider's Cultural Analysis of Kinship and Its Implications for Anthropological Relativism // Cultural Analysis of Kinship: The Legacy of David M. Schneider / eds R. Feinberg, M. Ottenheimer. Urbana and Chicago: Univ. of Illinois Press, 2002. P. 1–32.
5. *Bodenhorn B.* «He used to be my relative»: exploring the bases of relatedness among Inupiat of northern Alaska // Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship / ed. by J. Carsten. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 128–148.
6. *Дридзе А. Д.* Братство по кораблю // Советская этнография. 1977. № 2. С. 108–116.
7. *Бутинов Н. А.* Родство и сродство в Меланезии // Пути развития Австралии и Океании. М., 1981. С. 163–181. URL: <http://etnograf.professorjournal.ru/lb/butinov-rs> (дата обращения: 5.12.2013).
8. *Ткач О.* «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 50–68. URL: <http://ecsocman.hse.ru/mags/jsps/2013-11-1/80774169.html> (дата обращения: 5.12.2013).
9. *Strathern M.* After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 260 p.
10. *Schneider D.* What is kinship all about? // Kinship and family / eds R. Parkin, L. Stone. Oxford: Blackwell publishing, 2007. P. 257–274.
11. *Калхун К.* Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.

12. *Ottenheimer M.* The Current Controversy in Kinship // *Czech Sociological Review*. 2001. Vol. 9, N 2. P. 201–210.
13. *Carsten J.* *Cultures of Relatedness: new approaches to the study of kinship*, Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 215 p.
14. *Carsten J.* Constitutive Knowledge: Tracing Trajectories of Information in New Contexts of Relatedness // *Anthropological Quarterly*. Vol. 80, N 2. Kinship and Globalization (Spring, 2007). P. 403–426.
15. *Нартова Н.* Лесбийские семьи: реальность за стеной молчания // Семейные узы: модели для сборки / под ред. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 292–315.
16. *Воронцов Д.* «Семейная жизнь — это не для нас»: мифы и ценности мужских гомосексуальных пар // Семейные узы: модели для сборки / под ред. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 576–607.
17. *Glick Schiller N., Basch L., Szanton-Blanc C.* From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. Vol. 68, N 1. P. 48–63.
18. *Бредникова О., Ткач О.* Дом дляномады // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2010. № 3. С. 72–95.
19. *Dench G., Gavron K., Young M.* The new East End. Kinship, race and conflict. London: Profile Books Ltd, 2006. 274 p.
20. *Куропятник М. С.* Антропологическая перспектива изучения современности // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12*. 2012. Вып. 2. С. 232–237.
21. *Holy L.* *Anthropological Perspectives On Kinship*. London and Chicago: Pluto Press, 1996. 198 p.
22. *Stafford C.* Chinese patriliney and the cycles of Yang and Laiwang // *Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship* / ed. by J. Carsten. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 37–54.

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2013 г.

Контактная информация

Кретсер Ирина Юрьевна — ассистент; Kretser@list.ru
Kretser Irina Yu. — assistant professor; Kretser@list.ru